

Ангарские бусы

СКАЗКА

Кого в глубокую старину считали самым славным и могучим богатырем, которого все боялись, но и почитали? Седого Байкала, грозного великана. А славился он еще и несметными, бесценными богатствами, которые стекались к нему со всех сторон от покоренных им и обложенных данью — ясаком — окрестных богатырей. Насчитывалось их более трехсот. Собирал ясак верный слуга Байкала — богатырь Ольхон, у которого был крутой и жестокосердный нрав.

СТАРОДУМОВ Василий Пантелеймонович — иркутский сказочник, поэт, писатель. Родился 8 января 1908 [25 декабря 1907] в г. Иркутске. С 1917 по 1925 гг. учился в железнодорожной школе № 13 ФЗС (фабрично-заводская семилетка). С 1925 по 1929 работал чернорабочим в вагонном депо, затем стал внештатным сотрудником газеты «Власть труда» (ныне «Восточно-Сибирская правда»). В 1929–1931 гг. служил в армии. После демобилизации работал актером в Иркутском ТРАМе, художником и руководителем драмкружка на Иркутском авиационном заводе. В 1933 получил удостоверение члена Союза советских писателей Восточной Сибири. В 1942–1945 прошел по фронтовым дорогам ВОВ в должности военного художника. До ухода на пенсию в 1968 году более 30 лет работал ответственным секретарём многотиражной газеты авиазавода. Писал байкальские сказки, романы, повести, драматические легенды, стихи, киносценарий, создавал сибирские, байкальские пейзажи, написал серию картин — иллюстраций к байкальским сказкам. Автор около 300 стихотворений, нескольких книг сказок для детей, в том числе: «Рога Аргали» (Улан-Удэ, 1970); «Ангарские бусы» (Улан-Удэ, 1975); «Омулёвая бочка» (Иркутск, 1992). Произведения В. Стародумова публиковались во всех литературных журналах Восточной Сибири. В 1994 году, ещё при жизни Василия Пантелеймоновича, детской библиотеке № 19 г. Иркутска было присвоено имя В. П. Стародумова. Скончался 13 июля 1996 г. в Иркутске.

Неизвестно, куда бы девал с годами всю добычу Байкал и сколько бы он ее накопил, если бы не его единственная дочь Ангара — синеокая, капризная и своенравная красавица. Очень огорчала она отца своей необузданной расточительностью. О, как легко и свободно, в любой миг расходовала она то, что собирал ее отец годами! Бывало, журили ее:

— На ветер бросаешь добро, зачем это?

— Ничего, кому-нибудь да пригодится, — говорила Ангара посмеиваясь. — Люблю, чтоб все в ходу было, не залеживалось и попадало в хорошие руки.

Сердцем была добра Ангара. Были у Ангары и свои любимые, заветные сокровища, которые она берегла с малых лет и хранила в голубой хрустальной шкатулке. Часто подолгу любовалась она ими, когда оставалась в своей светлице. Шкатулку эту Ангара никогда и никому не показывала и ни перед кем не открывала, а поэтому никто из дворцовой челяди не знал, что в ней хранится. Знал только один Байкал, что шкатулка эта была доверху наполнена волшебными бусами из многогранных драгоценных камней-самоцветов. Удивительную силу имели эти сокровища! Стоило только извлечь их из шкатулки, как они загорались такими яркими могучими огнями необычайной красоты, что перед ними меркло даже солнце.

А почему Ангара не торопилась надевать на себя волшебные украшения, приналась она только своей няне Тодокте:

— Вот появится у меня любимый друг, тогда и надену. Для него.

Но дни проходили за днями, а друга по душе не находилось. И вскоре Ангара крепко заскучала. Все вокруг томило и огорчало ее. От бывшего игривого нрава красавицы ничего не осталось.

Заметил Байкал такую перемену в дочери и догадался: жениха ей хорошего надо, свадьбу пора сыграть. А за кого отдашь, если она еще никого не полюбила!

И решил он оповестить всю окружавшую его знать о том, что хочет выдать дочь замуж.

Желающих породниться с Байкалом оказалось много, но Ангара всем им отказывала. Разборчивой оказалась невеста! По ее выходило, что этот умом недалек, тот лицом не вышел, третий — статью. Байкалу уже не только Ангаре, но и всех молодых богатырей стало жалко.

Много ли, мало ли прошло времени, но однажды во владения Байкала приплыл такой нарядный струг, каких здесь никогда не бывало. А привел его молодой витязь Иркут, окруженный большой важной свитой. Ему тоже захотелось попытать счастья.

Но Ангара и на Иркутта глянула равнодушно, поморщилась:

— Нет, не надо мне и этого!

Делать нечего — хотел было повернуть Иркут обратно, но Байкал остановил его:

— Не торопись, погости у меня немного.

И устроил в честь гостя, который понравился ему, небывалый пир. И длился он несколько дней и ночей. А когда наступил час расставания, Байкал сказал Иркуту на прощание:

— Хоть Ангаре ты и не пришелся по душе, но мне люб. И я постараюсь, чтобы ты был моим зятем. Надеемся на меня.

Слаще меда принял эти слова Иркут и отплыл к себе обрадованным. Байкал с этого дня начал осторожно уговаривать Ангару, настаивать, чтобы она согласилась выйти замуж за Иркутта. Но она и слушать об этом не хотела. Бился-бился

Байкал, видит — ничего не выходит, надо повременить со свадьбой. Но твердо затаил в себе решение: уважить Иркуту, настоять на своем.

Но вот подошел большой летний праздник — сурхарбан, на который каждый год стекалось к Байкалу много народу. О, как богато и торжественно обставлялся этот праздник!

Уже начались состязания, когда последним появился на празднике потомок гордого богатыря Саяна могучий и славный витязь Енисей, который сразу обратил на себя внимание всех присутствующих. В стрельбе из лука, в борьбе и в скачках он далеко превзошел всех богатырей — званых гостей Байкала.

Ловкость и красота Енисея поразили Ангару, и она не отрывала от него глаз, сидя рядом с отцом. Енисей тоже сразу же был очарован красотой дочери седого Байкала. А потом подошел к ней, поклонился низко и сказал:

— Все мои победы — тебе, прекрасная дочь Байкала!

Байкал лукаво улыбнулся:

— Значит, не мне, а ей, Ангаре? — и покосился в сторону дочери. А Иркуту, находившегося в свите Байкала, даже передернуло от ревности.

Слова Енисея очень польстили Ангаре. Приятнее ей еще не доводилось слышать, и она пришла от них в восторг. Вот за таким она пошла бы хоть на край света!

Кончился праздник, люди стали разъезжаться по домам. Кинув прощальный взгляд на Ангару, покинул владения Байкала и Енисей.

И с той поры Ангара еще более заскучала. Байкал забеспокоился.

«Уж не по Енисею ли тоскует дочь моя?» — с тревогой подумал он, и это опасение не давало ему покоя. Но обещание свое — выдать дочь за Иркуту — решил выполнить. И как можно скорее!

И однажды Байкал, вызвав к себе Ангару, заявил ей прямо:

— Вот что, дорогая дочь! Лучшего жениха, чем Иркут, я тебе не советую искать, соглашайся!

Но Ангара снова воспротивилась:

— Не надо мне его! Лучше уж одна до старости лет жить буду! — И убежала прочь. Упрямый Байкал в сердцах затопал на нее ногами и крикнул вслед:

— Нет, будет по-моему!

И тут же приказал Ольхону глаз не спускать с Ангары, чтобы она не вздумала убежать из дому.

Но Ангара и не думала о побеге. Ей просто захотелось побыть одной, чтобы никто не мешал ей думать и мечтать о любимом.

И вот однажды она подслушала разговор двух чашек, которые восторженно отзывались о голубой прекрасной стране, где властвует Енисей.

— Как там хорошо, просторно и свободно! И какое счастье жить в такой стране!

Ангара загрустила пуще прежнего.

— А разве у меня нет сил? И разве я не хочу приносить всем счастье? Вот бы и мне попасть в ту голубую страну, и вместе с Енисеем жить свободно, и стремиться дальше и дальше, к неведомым просторам, чтобы всюду сеять такую же свободную светлую жизнь. О, для этого я не пожалела бы и свои волшебные бусы!

Заметил терзания дочери Байкал и отдал новое повеление Ольхону: заточить Ангару в скалистый дворец и держать ее там до тех пор, пока она не согласится стать женой Иркуты. Ничем не смогла помочь своей любимице и няня Тодокта.

Упала Ангара на каменные плиты скалистого дворца — мрачной темницы, горько заплакала, а потом успокоилась немного, раскрыла перед собой хрустальную шкатулку с волшебными бусами, и они ярким сиянием осветили ее лицо.

— Нет, ни перед кем я их не надену, кроме Енисея! Да и людей еще одарю!

Захлопнула шкатулку Ангара и взмолилась перед Ольхоном, чтобы тот выпустил ее, а когда тот и слушать не стал, обратилась к своим друзьям — большим ручьям и малым:

— Милые вы мои, родные источники! Не дайте мне погибнуть в каменном плену! Суров мой отец, но запрета его я не боюсь и хочу к моему возлюбленному Енисею! Помогите мне вырваться отсюда на волю!

Услышали мольбу Ангара большие ручьи и малые и поспешили на помощь затворнице — стали подтачивать и пробивать каменные своды скалистого дворца.

А Байкал послал к Иркуту гонца с тем, чтобы тот немедленно прибыл к нему.

— По истечении ночи сыграем свадьбу, — передавал Байкал витьязю.

Крепко спал в ту ночь утомленный хлопотами Байкал. Вздремнул немного и понадеявшийся на крепкие затворы дворца верный страж-богатырь Ольхон.

Ручьи же и ручейки между тем завершили свое дело — расчистили выход из темницы. И Ангара бежала. Хватился Ольхон — нет Ангара. Как гром, раскатились окрест его тревожные вопли. Вскочил на ноги и Байкал. А когда узнал, что произошло, ему самому стало не по себе, и он страшным голосом закричал беглянке вслед:

— Остановись, дочь моя! Пожалей мои седины, не покидай меня!

— Нет, отец, ухожу я, — удаляясь, откликнулась Ангара.

— Значит, ты не дочь мне, если хочешь послушаться меня!

— Нет, я дочь твоя, но не хочу быть рабой. Прощай, отец!

— погоди! Ты видишь — я весь исхожу слезами от горя!

— Я тоже плачу, но плачу от радости, что избавилась от гнета. Теперь я свободна!

— Замолчи, неверная! — гневно вскричал Байкал и, видя, что теряет дочь навеки, схватил в руки скалу и со страшной силой бросил ее вдогонку беглянке, но было поздно...

Напрасно бушевал и свирепствовал Байкал, напрасно метался по горам Ольхон — они уже не смогли ни догнать, ни удержать беглянку. Все дальше и дальше уходила она, прижимая к груди заветную шкатулку. Мечта о встрече с любимым окрылила Ангару, и ей захотелось от радости свободы поделиться с людьми самым дорогим, что имела, — волшебными бусами. Остановилась на миг Ангара, огляделась вокруг. Как прекрасно было здесь! Открыла она хрустальную шкатулку, достала связку волшебных бус и бросила ее себе под ноги со словами:

— Пусть загорятся здесь огни жизни, огни счастья, огни богатства и силы!

И побежала дальше. И вдруг увидела она впереди себя скачущего наперерез всадника. Это был Иркут, он спешил преградить путь своей нареченной невесте. Собрала Ангара все свои силы и прорвалась, пробежала мимо него. Иркут остался ни при чем и заплакал от горечи и досады.

Теперь Ангаре бежать стало гораздо легче и спокойней. Да и радости прибавилось, и она снова кинула на своем пути связку бус со словами добрых пожеланий.

Так и бежала она, радостная и щедрая. А когда увидела вдали Енисея, то, вынув из шкатулки самые красивые волшебные бусы, надела их на себя. Такою и встретил ее могучий пригожий красавец, славный витьязь Енисей. И бросились

они в объятия друг к другу. Хоть уговору между ними никакого и не было, а вышло так, будто ждали они этого часа давным-давно. И вот он настал.

— Теперь нас уже никакая сила не разлучит, — сказал Енисей. — Будем мы с тобой в любви да согласии жить-поживать и другим того же желать.

От слов Енисея сладко стало на душе у Ангары и еще радостней забилося ее сердце.

— И я буду тебе на всю жизнь верной женой, — сказала она. — А волшебные бусы, что я для тебя держала и которые привели меня к тебе, мы раздадим людям, чтобы и они получили от этого радость и счастье.

Енисей взял Ангару за руку, и они вместе пошли по голубой солнечной дороге...

Много лет прошло с тех пор. Слезы Байкала, Ангары, Енисея и Иркуты, пролитые ими от горя и от радости, превратились в воды. И только все бесчувственное всегда бывает подобно камню. В большой камень превратился неумолимый богатырь Ольхон, не знавший, что такое слезы. Камень поменьше, что кинул когда-то в Ангару Байкал, люди прозвали Шаманским. А добрые пожелания Ангары исполнились: там, где были брошены ее рукою волшебные бусы с камнями-самоцветами, разгорелись большие и яркие сильные огни жизни, выросли города, окрепло людское счастье. И таких городов будет еще больше.

Тут и сказке конец, а дело — всему венец.

Хвойная невеста

СКАЗКА

У одного бедного рыбака было три сына: Митрофан, Петрован и Иван. За всю жизнь трудяга так и не нажил ничего, но голодным никогда не был — Байкал и кормил, и поил его. Известно, у рыбака — голы бока, зато обед царский. Собираюсь умирать в своём большом, но пустом доме, старик созвал сыновей.

— Пора вам, сыны мои, жениться и жить самостоятельно. Даю вам по омулёвому надутому пузырю, пустите их. В какую сторону полетят и где сядут, там вы и найдёте своих суженых...

Сыновья вышли на берег Байкала, запустили в небо пузыри. У Петрована пузырь полетел за море, к острову Ольхону, у Митрофана — в долину, а у Ивана — в сторону прибрежной хвойной тайги. Петровану пришлось садиться в лодку-мореходку и плыть к острову, Митрофану — идти берегом в долину, а Ивану — в тайгу.

Идёт Иван и видит: пузырь опустился над шалашом, сложенным из лиственных стволов и крытым ветвями ели. Вышла из шалаша красивая девушка, поймала пузырь.

— Кто ты будешь, красавица? — спрашивает Иван.

— Я — дочь кедра и сосны, — ответила девушка. — Зовут меня Альяной. А ты кто?

— Я сын рыбака Иван. Пойдёшь за меня замуж?

— Я-то за тебя пойду, — сказала Альяна. — А вот ты сперва подумай: я ведь хвойная.

Иван пригляделся к Альяне. Волосы её отливали оттенками цвета пихты, в глазах сияла кедровая зелень, а кожа на лице и руках напоминала цвет коры моло-

дых елей и сосен. «Но ведь она — моя суженая, и притом красавица», — подумал Иван и сказал:

— Ты хвойная, ну и что! Главное, чтобы между нами были любовь и согласие.

— Да у меня и богатства никакого нет, кроме постели из мягких пихтовых лапок.

— Я тоже не богаче тебя.

Привёл Иван Альяну в отцовский дом, старик отвёл молодым комнату. Вскоре появился со своей невестой и Митрофан. Приданое Таисии едва вместились в комнате — отец-то у невесты был скупщиком, все уловы рыбаков он перепродавал на стороне в тридорога. Последним прибыл с острова Ольхон Петрован с ещё более богатым приданым невесты Тонхон, дочери бурятского князька-нойона.

— Вот и стал наш дом полной чашей, — сказал старик, довольный выбором старших сыновей. — Рад за вас, а даст бог — и младшему, глядишь, когда-нибудь улыбнётся счастье.

Сказал так и умер. Но разве могут ужиться под одной крышей три невестки? Начались раздоры, нападки Тонхон и Таисии на Альяну:

— Чего тебе с Иваном ютиться в пустой комнате, а у нас, гляди, сколько богатства, — помещать негде. Переселяйтесь в свой шалаш!

Подумали-подумали Иван с Альяной и решили уйти. Им и самим надоела такая жизнь. А в тайге их уже ждали... Медведь вышел навстречу с бочонком мёда, а за ним — сам хозяин тайги Кедрач-кудрявич в пышном облачении. В руках он держал большую просмолённую чашу.

— Невесты дом да будет домом и жениху, — сказал он Ивану. — Приветствую и одобряю твой выбор. Но чтобы и в твоих жилах текла хвойная кровь, испей этот чудодейственный напиток.

И Кедрач-кудрявич протянул Ивану чашу. Не колеблясь, Иван припал к чаше губами, опорожнил её до дна.

— Ну вот теперь ты наш, — сказал Кедрач-кудрявич. — А коль так, сыграем настоящую свадьбу, нашенскую... Тащи, Миша, мёд на стол, а вы, Иван и Альяна, следуйте за мной!

В распадке, на поляне, куда Кедрач-кудрявич привёл вслед за медведем Ивана и Альяну, за большим столом, ломившимся от обилия таёжных кушаний и напитков, уже сидели многочисленные обитатели тайги: сохатые, маралы, косули, зайцы. Гости встретили хозяина с женихом и невестой восторженно. Маралы трубили, сохатые в такт отщёлкивали языком, косули били копытцами по столу, а зайцы, словно циркачи, жонглировали морковками. Не скучал и медведь, он носился со своим бочонком мёда вокруг стола и неуклюже пританцовывал.

Растроганно глядели на всех Иван с Альяной. Такого отношения к себе они ни разу в жизни не видели: всё походило на сказку! Кончились свадебные торжества, гости, распрощавшись с молодыми, разошлись по своим дорогам и тропинкам. Покинули поляну и Кедрач-кудрявич с медведем, остались Иван с Альяной одни. Их кровом стал шалаш. Зажили они в тайге на радость всем зверям и птицам: в Иване с Альяной они увидели своих защитников! Молодых всё радовало: каждое дерево, каждая травинка своим шорохом и шелестом, казалось, вверяли им что-то своё, сокровенное. Прохладные ручьи и ручейки, утолявшие жажду, услаждали слух мелодичным журчанием, в котором слышалось что-то от дрёмных чащоб и горных ущелий, полных тайн. Вот в тишине тайги подала голос какая-то пичужка и смолкла, как бы боясь снова нарушить тишину.

Чу! — прыгнула с ветки кедра белка. И тотчас воздух потрясло: — Фр-р-р-р-р! Это вспорхнула с зарослей голубичника вспугнутая белкой стая куропаatok. Годы шли так быстро, что Иван с Алянкой и не заметили, как выросли их дети и стали жить отдельно.

Как-то сидя в своём шалаше и перебирая бруснику, Иван с Алянкой разговорились о прожитой жизни и вспомнили о Петроване с Таисией и Митрофане с Тонхон.

— Они за все эти годы ни разу и не навестили нас, — пожаловалась мужу Аляна. — Зарылись в своём богатстве, и до нас им, видно, нет никакого дела.

— Но это неправда, что мы бедны, — сказал Иван. — Есть у нас самое главное богатство — здоровье и сила! Кто сказал, что мы одряхлели? Мы были свежими и бодрыми, такими и остались. А вот они, наверно, давным-давно состарились, и богатство им не в радость.

Была поздняя осень. Осыпались листья с деревьев, и только хвойные не меняли своего вида. Хлопотливые зверушки заготавливали корм на зиму. Иван тоже ушёл в кедрч за орехами. Прибралась в шалаше Аляна, вышла посидеть на пенёчке. Глядит — приближаются к ней по тропе две сгорбленные старушки. В руке у каждой клюка для опоры.

— Не узнаёшь нас? — говорит одна из них.

— Нет, не узнаю, — признаётся Аляна.

— Мы — Таисия и Тонхон.

Тут уже, забыв про обиды, Аляна бросилась к старушкам, обняла их, расцеловала, от радости, казалось, была сама не своя. Столько лет не виделись!

— Ой, как же вы изменились! — удивилась Аляна. — С чего бы это?

— Известное дело: спился мой муж, и всё наше богатство пошло прахом, — призналась Таисия. — Все заботы по хозяйству легли на мои плечи, от непосильной работы я и согнулась прежде времени, едва хожу.

— Мой тоже не лучше, — высказала свою печаль Тонхон. — Измоталась я, хоть плачь. Такая моя жизнь.

— А дети у вас есть? — спросила Аляна.

— А как же! — ответила Тонхон. — И у меня, и у Таисии, но с нами сейчас никого нет: разлетелись все как вольные птицы, и мы остались одни. А ты, гляжу я, совсем не старишься, выглядишь как молодая невеста. Как тебе удаётся сохранять молодость и свежесть?

— Так я же... хвойная, — сказала Аляна. — А вас может омолодить лишь напиток, который имеется у хозяина тайги Кедрача-кудрявича.

— Вот как! — удивилась Тонхон. — А не сможешь ли ты достать нам этот напиток?

— Да, не сможешь ли? — попросила и Таисия.

— Нет, — сказала Аляна. — Напитком распоряжается сам Кедрач-кудрявич. Но спросить у него я могу.

Кедрач-кудрявич явился сам.

— Поздно пришли. Мой напиток надо пить не в старости, а в молодости, тогда её можно продлить.

Ни с чем ушли Таисия с Тонхон. Больше они здесь уже никогда не появлялись. А Иван с Алянкой и сейчас ещё живут в своём шалаше.